

Пролог

Кухня запорошена цементной и древесной крошкой. Серой, цементной, совсем чуть-чуть, а древесной — от щепок до мельчайшей пыли — много, очень много. Она висит в воздухе и, пронизанная льющимся в кухонное окно апрельским солнцем, кажется золотой. Мия влетает в это невесомое светящееся облако, уверенная — сейчас, вот сейчас случится что-то волшебное! Например, она взлетит!

Но гладкие подметки новеньких туфелек скользят по линолеуму, сердце замирает: Мия чувствует, что вот-вот упадет, в животе становится холодно и весело... Или все-таки взлетит? Мысли несутся быстро-быстро, удивительно, сколько всего вмещается в одну лишь секунду! Упадет или взлетит? И она совсем, совсем не боится! Потому что точно знает: ничего плохого не случится! Не может случиться!

И она... взлетает! Потому что ее подхватывают большие сильные руки — уверенные, надежные. И подбрасывают, потом ловят и снова подбрасывают! Платьишко надувается пузырем, одна туфелька слетает с ноги — а Мия хохочет! Она летает! Летает!

1. С низкого старта

«Вверх по лестнице, ведущей вниз» — идиотское же название! Выпендрожное. Как маникюр у Ксюхи. Мия покосилась назад. Даже через четыре парты было видно: сегодня ногти одноклассницы разрисованы в черно-багровой гамме, не то черепа с окровавленными зубищами (на площади в один квадратный сантиметр!), не то еще какая-то безумная готика. И все это — в сочетании с льняными Ксюшиными локонами и небесно-голубыми кукольными очами! Красота получается вырвиглазная! Вроде неглупая девчонка (в этой школе других и не бывает), но ее эксперименты с внешностью — ведь полный же маразм! Который на самом деле, видите ли, означает, что девочка в духовных исканиях, что у нее богатый внутренний мир и все такое. Доказывая это, недели три назад Ксюха украсила свои пальчики некими иероглифами, о значениях которых, сто пудов, без понятия. Но для нее главное — продемонстрировать свою особенность! Ведь где иероглифы, там и тайны восточных философий, и прочий глубокий смысл. Такой глубокий, что его и не разглядишь. Вон как у этого, как его, Сэлинджера. Подума-

ешь, «Над пропастью во ржи»! Ах, классик, ах, тонкий психологизм, ах, глубины подтекста — так положено пищать, заходясь от восторга. И пищат ведь, вот что самое удивительное. А на самом деле ничего, кроме выпендрежа. «Хорошо ловится рыбка-бананка», подумать только! И в подростках ничегошеньки этот Сэлинджер не понимает. Даже Кауфман с его «Лестницей», хоть и дурацкое название, и то поадекватнее будет. Или Кауфман — тетка? Мия листанула рабочую тетрадь — толстую, в обложке «под кожу», с уже потрепанными углами. Точно, тетка! И ведь упаси божечки перепутать! Вот за каким лешим Неистовая Виса им все это впаривает? Для ЕГЭ оно без надобности, а если для общего культурного развития — так кому эта археология сейчас интересна? Сегодня народ плющится совсем от других имен. Хотя что от них останется через двадцать лет? Правильно, ничего.

Вся литература, что русская, что иностранная, закончилась в девятнадцатом веке, вздохнув, подумала Мия. А после наступила эпоха всеобщей грамотности, и пошли одни сплошные... эксперименты. А уж сегодня, с Интернетом, и вовсе... сплошной поток сознания, даже когда этого самого сознания кот заплакал. Сказать нечего, вот и изгаляются кто во что горазд. Эксперименты! Гадкое слово. На «экскременты» похоже.

Вот скукотень-то! Но все изображают на лицах трепетное внимание. Кому-то, может, и впрямь интересно — училка у них толковая, рассказывает так, что зашутаться можно. Только Ксюша все ногтями своими

любуется. Забилась в самый угол и думает, никто не видит. Сейчас ей Виса вломит. Вот уж кому с фамилией повезло — Белинская! Небось и в учителя русского и литературы из-за фамилии подалась. Критикесса чертова! Нормальные учителя сейчас свои классы к ЕГЭ натаскивают, а у них, видите ли, повторение пройденного — к тому же в основном того, чего на экзамене точно не будет. Нет, с ЕГЭ наверняка все обойдется, ежегодная выпускная статистика тому свидетельство. Но в остальном... Вверх по лестнице, ведущей вниз над пропастью во ржи! Примерно так.

Мия быстро, почти не глядя, нарисовала на полях тетрадки лестницу, перила которой пышно колосились. Усмехнулась уголком рта и поставила на ступеньки длинную узкую фигуру — тощие ноги-ходули с моластыми коленками, неправдоподобно прямые плечи, туго затянутые волосы, а вместо узла на макушке — кукиш! Шарж. Нет, пожалуй, уже и не шарж — карикатура. Очень похожая (рисовала Мия всегда недурно, знать бы, откуда такие таланты) и очень злая.

— А я бы вдул... — почти неслышно процедил сзади Борька.

— Такой мырме? — удивленным свистящим шепотом поинтересовался деливший с ним парту Андрон.

Ох уж эта мода на старинные и вообще «эдакие» имена! Борислав, Андрон, Шахрия (рыженькая и веснушчатая!), Ефрем, бр-р! Даже Серафим у них в классе имелся! После пушкинского «Пророка» к нему, разумеется, приклеилось прозвище Шестикрылый,

что было на самом деле лучше явно женского Сима. Мия временами недоумевала: чем родители думают, когда так детей называют? Ведь наверняка, проходя в школе гоголевские «Мертвые души», смеялись над Маниловым с его Фемистоклюсом и Алкидом. А как до собственных детей доходит — давай изгаляться! Ладно бы в честь бабушек-дедушек, а то ведь чисто «по моде». Ее, например, назвали как раз в память об отцовской бабушке, да и с фамилией имя сочеталось более чем приятно: Мия Лиу! Отца она помнила плохо, но Мия Лиу — это вам не Шахрия Семенченко. Андрон — и вовсе Кузякин. Андрон Кузякин — разве не прелесть? Все звали Борькиного прихлебателя, разумеется, Кузей.

— Не, Кузя, не скажи... — лениво протянул Борька. — Гляди, как попкой виляет. Очень многообещающе...

Мия вздрогнула. Хотя и понимала, что Борькина реплика относится не к ней — к Белинской, все равно стало гадко.

Но рука будто сама собой изобразила под нарисованной на тетрадных полях лестницей скорченную мужскую фигуру. Голова вывернута, словно спрятавшийся под лестницей подросток заглядывает училке под юбку. Оснастила вывернутую физиономию круглыми выпуклыми очками — как у Петеньки со второго ряда. Полного придурка, к стати.

Фу, гадость! Но Мия ведь не такая! Карикатура на училку — одно, а вот это... Она стремительно замаза-

ла подглядывающего подростка. Очертания видны, но уже не понять: не то человек, не то мешок картошки. Очки, правда, просвечивают, ну и ладно. Мешок картошки в очках, очень смешно. Надо бы и остальное замазать, но почему-то ей стало жалко. Прикольно получилось. Очень уж точно схвачены характерные черты Неистойвой Висы. Даже высокомерное выражение узкого лица... Хотя все равно гадость, конечно. Как будто она, Мия, ничем не лучше Борьки. А ведь она не такая! Не такая, не такая! Даже директор, на Борьку со товарищи взирающий неодобрительно, на нее смотрит с уважением. А это дорогого стоит.

Школа была непростая — элитная. И кто тут элита, в миллионный раз думала Мия. Эти вот, сытенские и по уши упакованные мальчики, отпрыски «малиновых пиджаков» из девяностых, глядящие на всех сверху вниз и убежденные, что «бабло рулит»? Да они, если присмотреться, и сами в том отнюдь не уверены. Вот и пыжятся, строят из себя хозяев жизни. Типа самоутверждаются. Воспитанные гувернантками, они точно знают, какой вилочкой следует есть рыбу, и автоматически поддерживают на лице едва заметную «джентльменскую» улыбочку. И с той же улыбочкой легко всадят эту самую рыбную вилку в подходящую спину. Они ведь элита, хозяева жизни.

Мии везло. Она не была даже хорошенькой, не то что красавицей. Тельце тощенькое, плечики острые, колени костлявые, лицо и вовсе... странное. Вроде и глаза большие, и ресницы не кучьи, а вполне пушистые, и но-

сик изящный, и губы не тонкие, не толстые, в самый раз. И ямочка чуть выше левого угла рта имелась вполне прелестная. Но даже она дела не спасала: в целом выходило что-то невразумительное. Борька с присными Мию просто не замечал. Никто не замечал. Ну, кроме учителей. Училась Мия старательно: в элитную школу ей помогла пристроиться одна из маминых пациенток, и Мия, вглядываясь в зеркало, благословляла подаренную возможность «приподняться». Раз уж родилась не во дворце (ох, не во дворце), да и внешностью небеса не так чтоб... одарили, значит, надо брать мозгами.

Ничего, выровняешься, не переживай, утешала мама. Хотя Мия и не думала переживать. Ну разве что... самую чуточку.

«Выровнялась» она внезапно, за последнее лето. Как раз к выпускному классу.

В один из первых сентябрьских дней Борька прижал ее в углу за раздевалкой — пока что пустой за ненадобностью. В углу было темно и пыльно, пахло тряпками и чистящими средствами — кажется, именно тут, вон в том шкафике, которого почти не видно, уборщица хранила свои причиндалы. Уборщицы, точнее: здание было немаленькое, и уборщиц директор держал целых трех. Вот бы хоть одна появилась!

Но для уборки было слишком рано.

— Ух ты, какая у нас цыпочка вылупилась, — с гаденькой улыбочкой протянул Борька, поудобнее укладывая согнутую в локте левую руку — так, чтобы предплечье пришлось прямо поперек Мииного горла. Рука

оказалась тяжелая, как водопроводная труба, дышать стало почти нечем, в глазах темнело. Борька был выше ее на полторы головы и шире чуть не вдвое.

— И сисечки даже отрастила, — продолжал он тихим, гадким голосом, шаря правой ладонью по Мииной груди. — Не Памела Андерсон, но уже есть за что подержаться.

Форменные рубашки шили из тонкого поплина — слабая защита от жадных пальцев. Сейчас рванет, так что пуговицы шrapнелю лязгнут по стене, и лифчик, тоненький, спортивный, треснет и разлетится, а потом... Вряд ли Борька осмелится изнасиловать ее прямо здесь, где кто угодно может появиться — после такого никакие мамшины деньги и связи не помогут замять дело, у директора тоже со связями все в порядке. Но придется потом идти в растерзанной одежде и домой так же ехать, переодеться-то не во что...

Верхняя из рубашечных пуговиц, точно подслушав Миины мысли, звонко щелкнула где-то в углу. Почти теряя сознание от давящей на горло «водопроводной трубы», Мия уперлась обеими руками в Борькину грудь.

Он засмеялся:

— Э нет. Надо быть хорошей девочкой. Вот так...

Ладонь, только что шарившая по Мииной груди, вцепилась в ее руку, легко сдвинув ее вниз. Ниже, ниже. Борька положил Миину ладонь себе на ширинку, прижал.

— Вот так. Давай, приласкай... — Он задышал глубже. — Для начала... А там погля...

Договорить он не успел.

Вырваться Мия не стала — вырвешься у такого амбала, как же! Наоборот, согнув пальцы, изо всех сил вцепилась в подставленную «ласке» промежуток. За появление в школе «не по форме» директор выговаривал сурово и сразу переодеться отправлял, а темно-синие форменные штаны (девочкам полагались такие же юбочки, но и брючки дозволялись) шили отнюдь не из джинсы. Из мягкой, очень качественной шерсти. Ногти же у Мии были всем на зависть — ровные, твердые, хоть подземный ход копай! Не особенно длинные, чтобы не мешали посуду мыть или на клавиатуре работать, но — вполне хватило и таких.

Борька взвыл:

— Ах ты ж... — и попытался дернуть Миино запястье.

Она посильнее сжала пальцы.

Размахнувшись, он отвесил ей звучную оплеуху. Голова мотнулась, больно стукнувшись о стенку, но Мия устояла. Только не потерять сознание, только не потерять сознание...

Гаденькая улыбочка на Борькином лице сменилась выразительной гримасой боли, а тон из высокомерно превратился в почти плаксивый:

— Ты че творишь, тварь недотраханная?

— Не нравится? — удивленным тоном спросила Мия. — А так? — Она еще немного усилила нажим. — Хочешь петь в Ватиканском хоре? Там у всех такие ангельские голоса — заслушаешься.

Про сторожей в восточных гаремах и Ватиканский хор кастратов им рассказывала биологичка — в рамках изучения эндокринной системы. Мие-то было ясно, что ничегошеньки Борькиному «хозяйству» сейчас не угрожает, несколько мгновений боли и страха, не более того. Самое смешное, он ведь намного сильнее, вполне мог бы вырваться. Но — больно, а терпеть Боренька не умеет. Да и испугался. Вот и поделом.

— Ты... это... отпусти! — прохрипел он сдавленно, словно нажимали ему на горло, а не полуметром ниже. — Тебя посадят!

— Да что ты говоришь? — насмешливо протянула Мия, не разжимая хватки. — Вот если ты, Зверев, еще раз когда-нибудь ко мне прикоснешься, клянусь: оторву твое хозяйство и тебе же скормлю. Чтобы назад не смогли пришить. Вот тогда, быть может, меня и впрямь посадят. А и пусть! Знал бы ты, с каким удовольствием я буду срок мотать, помня, что тебе больше никогда за всю жизнь не придется никого прижать. Но это, знаешь ли, если. Ты ведь не рискнешь больше? А пока ко мне какие претензии? Бо-бо мальчику сделала? Пустяки, пройдет. Зато вот к тебе как раз претензии могут быть... У соответствующих органов.

— Да че я тебе сделал, подумаешь, цаца какая! Недотрога!

— У меня для тебя, придурок, плохая новость. Нынче очень в моде охота на педофилов, а мне как раз до совершеннолетия еще...

— Ты че, с дуба рухнула? Какой я, на хрен, педофил? Я сам еще несовершеннолетний.

— Зато совершеннозимний, — фыркнула Мия. — Отморозок то есть. Уголовный кодекс почитай, может, пригодится. Ответственность за развратные действия в адрес несовершеннолетней отнюдь не с восемнадцати лет наступает, а куда раньше. Заметь, даже не за изнасилование, всего лишь за развратные действия. Десять лет назад оно, может, и сошло бы с рук, а нынче толпа журналистов набежит, растрезвонит по всем СМИ, потому что модно сейчас про педофилов писать, самая хайповая тема. Могут, кстати, и попытку изнасилования припаять. Дойдет ли до реального срока — вопрос открытый, но шуму будет изрядно. Вот мамочка твоя обрадуется.

Насчет возраста уголовной ответственности Мия точно не знала, но была уверена: Борька тоже не в курсе. Главное, про «мамочку» она вовремя сообразила упомянуть, вон как сглотнул нервно. Мамашу свою Борька боялся. Она вела какой-то неслабый бизнес, не то стройматериалами торговала, не то автомобилями. Что-то совсем не женское, короче говоря. И в неженских этих делах занимала вполне заметное место. Наверняка когда-то и с бандюганами приходилось мосты наводить.

Притом дамочка изо всех сил (ну, по крайней мере, когда являлась в школу) делала вид, что ничего крепче «какой ужас» из ее нежного ротика никогда не звучало и что вращается она исключительно в «выс-

ших» кругах. В общем, изображала принцессу, всю такую изысканную и утонченную. Или, пожалуй, герцогиню — возраст у мамыли был уже не «принцессинский». Да, герцогиню. Вдовствующую.

Бореньку своего «герцогиня» обожала и любые его пакости прикрывала всячески — подумаешь, мальчик шалит, молодая кровь играет, что такого?

То есть почти любые. Бог весть, каких норм мадам Зверева придерживалась в бизнесе, но в обыденной жизни жестко соблюдала правило: все должно быть «комильфо». И сурово требовала от наследника соответствовать высоким аристократическим стандартам. В собственном понимании, конечно. Мия сама однажды наблюдала, как мамаша весьма укоризненно выговаривает Борьке за нечищенные ботинки. Ей тогда вспомнилось рассуждение о разнице между невозможным и невероятным: нет ничего невероятного в том, чтобы, к примеру, королева Елизавета Вторая забеременела и родила от своего камердинера (история Виндзоров тому порукой), но, согласитесь, это совершенно невозможно (хотя бы по причине возраста царствующей дамы); в то же время нет ничего невозможного в том, чтобы она же, к примеру, высморкалась в скатерть — но подобное, разумеется, совершенно, совершенно невероятно.

В общем, шалости шалостям рознь.

Мия не удивилась бы, узнав, что Борькина мамаша оплачивает для сынули дорогих проституток (а что, это вполне «комильфо», и вообще, мальчику для здо-

ровья нужно), но в то же время за пристаивания к приличным девочкам наверняка вломила бы «шалуну» так, что мало не показалось бы. А поскольку школа считалась элитной, то и все ее ученицы, по логике мадам Зверевой, автоматически имели статус приличных. Табу то есть. Поэтому лапал Борька либо тех, кто не против, либо совсем стеснительных — в общем, таких, кто точно не станет жаловаться.

Он всегда был хитрый. Границы дозволенного чуял и шифровался. Потому что пока «наверху» не знают о его «шалостях», значит, ничего вроде бы и нет.

В простенках перед раздевалками располагались зеркала. Когда Борька, донельзя напуганный ее сопротивлением, ретировался в сторону выхода, Мия оценила результаты стычки. М-да, видок тот еще! На скуле алело яркое пятно, на голове вместо аккуратной прически красовалось какое-то воронье гнездо, пуговица оторвалась «с мясом», на ее месте торчали отвратительные лохмутики. Кое-как подтянув блузку и прижав к груди рюкзачок, чтобы «критическое» место не распаивалось во все уж неприлично, Мия побежала на третий этаж.

Директорскую секретаршу звали Елизаветой Максимовной. Впрочем, нет, не звали — величали. Лет ей было не то сто, не то триста, абсолютно седые волосы увенчивали голову пышной короной, укрытые ажурной пуховой шалью узкие плечи никогда не горбились, выцветшие голубые глаза смотрели строго, почти сурово, а память была многим молодым на зависть. Елизавета Максимовна помнила всех учеников (и нынешних, и

прошлых) поименно, и ей одной дозволялось обращаться к ним на «ты». В школе было принято исключительно «вы», даже к первоклашкам, но кто бы посмел ей указывать! Сам директор «ты» использовал редко-редко — это являлось чем-то вроде поощрительного приза. Елизавета же Максимовна, напротив, говорила «вы» лишь тогда, когда была кем-то крайне недовольна. Ходили слухи, что именно она всем заправляет, а директор — всего лишь ее сын. Правда то или нет, Мия не знала, фамилии у директора и секретарши были разные.

— Мия? — Она частенько здоровалась вот так, вопросом.

— Добрый день, Елизавета Максимовна! — Мия постаралась улыбнуться. Вежливо, чинно, как полагается воспитанной молодой особе. День был совсем не добрый, но марку держать следовало. Расхлябанности Елизавета Максимовна не терпела — и никакие обстоятельства не могли служить оправданием. Но расхлябанность — это одно, а растерзанность — совсем, совсем другое.

— Мне нужно поговорить с Илларионом Петровичем, — твердо, почти с вызовом произнесла Мия, опустив прижатый к груди рюкзачок: да, вот так я выгляжу, можете полюбоваться.

Своим орлиным взором Елизавета Максимовна заметила, разумеется, и оторванную пуговицу, и алеющую после Борькиного удара скулу, однако замечания делать не стала, спросила почти ласково:

— Мия, деточка, что-то случилось?

— Мне... Елизавета Максимовна, мне очень нужно.

Секретарша окинула Мию еще одним взглядом.

— Он занят... А впрочем...

Она нажала клавишу селектора, сняла тяжелую черную трубку и что-то туда быстро проговорила. Вновь взглянула на Мию:

— Проходи, деточка.

Злые языки называли Иллариона Петровича солдафоном — дескать, его бы воля, он бы в школе полную казарму устроил. И все потому, что до директорства он преподавал в одной из военных академий. Не то в Военно-морской (тут же, в Питере), не то в подмосковной артиллерийской. Кое-кто говорил даже, что он вел некий загадочный спецкурс в МГИМО. И вот это, конечно, была уже полная чушь: преподавал Илларион Петрович физику, при чем тут, скажите, МГИМО?

Ну да злые языки много чего могут наболтать.

Как так вышло, что преподаватель военной академии возглавил простую (на тот момент) школу, злым языкам было неизвестно.

Через некоторое время вместо обещаемой недоброжелателями «казармы» школа превратилась из «обычной районной» в практически элитное заведение. Новый директор сменил чуть не половину преподавательского состава, сохранив лишь самых толковых, а недостающих переманил из других мест — как фокусник из кармана вытащил. Обновил школьные мастерские, оборудовал автодром (убежденный, что вместе с аттестатом выпускник должен получать и права — двадцать первый век на дворе). Обеспеченные роди-

тели выражали готовность платить за «элитность», не скупясь, но основным критерием приема была не возможность семьи делать школе пожертвования, а способности и личные качества ученика. К слову сказать, различий по состоятельности между ребятами не делалось, только по способностям и старательности. Для малоимущих даже форму шили за счет школы — и без каких-либо унижительных справок о доходах. Директор и так знал все и про всех. Или, точнее, знал его бухгалтер — личность таинственная. Мия, к примеру, никогда этого самого бухгалтера не видела. Или эту самую?

Как у директора все получалось, бог весть. Но — получалось. Однажды он отказал в приеме дочке какого-то колбасного короля, а когда тот взъярился, мол, я за свои деньги ей могу три Оксфорда обеспечить, директор лишь кротко согласился. Дескать, Оксфорд — пожалуйста, но в нашей школе ваша девочка учиться не станет. Если бы с первого класса, можно было бы что-то обсуждать, а сейчас вы ее настолько безнадежно испортили (и продолжаете портить), что спасибо за визит, до свидания.

Историю эту пересказывали в разных вариантах (колбасный король превращался то в замминистра, то в губернатора, девочка становилась то мальчиком, то тремя детьми сразу), и, по правде говоря, Мия слушала сочинителей легенды с некоторым скепсисом. Объясните, пожалуйста, хотелось ей фыркнуть, откуда это все известно, если скандальный папаша беседовал с директором за закрытыми дверями? Теоретически мож-

но было представить, что Елизавета Максимовна их разговор слышала, но чтобы она потом кому-то рассказала? Да скорее Медный всадник с места сойдет!

И все же история выглядела правдоподобной. Потому что факт оставался фактом: отморозков в эту школу не брали — ни за какие деньги. Борька и ему подобные являлись, так сказать, пограничным случаем. И было их совсем немного.

Директора Мия не боялась. Елизаветы Максимовны робела слегка, а «самого» нет, нисколько.

Илларион Петрович поднял голову от груди громоздящихся перед ним бумаг и, Мия могла поклясться, так же, как Елизавета Максимовна, в одно мгновение оценил ситуацию, увидев и алеющую скулу, и измятую блузку, и отсутствующую пуговицу.

— Здравствуй, Мия. Садись. Слушаю тебя.

Ни одного лишнего слова! Мия мысленно восхитилась. Директорская лаконичность вкупе с дружелюбным «ты» помогли как-то вдруг моментально успокоиться. И слова нужные сразу пришли, и голос не задрожал. Весь рассказ — сухой, как протокол, — занял не больше трех минут.

— Елизавета Максимовна, — он ткнул в клавишу селектора. — Отыщите Галину Георгиевну.

Галиной Георгиевной звали школьного психолога. Ученики, разумеется, называли ее Леди Гага. Но не с насмешкой, а скорее уважительно.

Дверь кабинета распахнулась секунд через десять после отданного распоряжения. Мие подумалось, что

Елизавета Максимовна вызвала психологиню еще несколько минут назад, не дожидаясь указаний.

Леди Гага коротко улыбнулась Мие (не тратя слов на приветствие) и обратилась сразу к директору:

— Что у нас, Илларион Петрович? Некорректное поведение? Или даже...

— Боюсь, что «или», — сухо сообщил он. — Попытка, к счастью, неудачная, но вполне недвусмысленная.

— Вижу, — так же сухо констатировала Леди Гага. — Зверев?

Директор молча кивнул.

— Алла Витальевна уже в курсе? — деловито уточнила психологиня. — Или пока без нее?

— Думаю, Елизавета Максимовна ее уже вызвала, — усмехнулся директор.

Попытка? Мия не сразу поняла, что они имеют в виду попытку изнасилования. Иначе к чему речь об Алле Витальевне, исполняющей обязанности школьного юриста? Но ведь Борька не пытался Мию изнасиловать... или... пытался? Да ладно, не настолько же он идиот — в раздевалке, куда в любой момент может заглянуть нежелательный свидетель. Но если посмотреть на ситуацию с другой стороны... Сверху, из руководящего кресла...

Ну Илларион Петрович, ай да умница! Если Борьку просто отругать за «неподобающее поведение», он, потупив голову, скажет, будто «не знает, что на него нашло», и жарко поклянется «больше никогда». А то и вовсе вспомнит, что лучшая защита — это нападение, и попытается переложить вину на Мию, она, мол,

сама... Пуговица и след от удара на щеке — свидетельства не абсолютные, их всяко можно истолковать, и выйдет его слово против ее. Но вот если пригрозить полицией... Да, на этом поводе Борьку можно жестко держать. В конце концов, сама-то Мия именно уголовным преследованием ему пригрозила! Правда, сейчас уже забыла об этом — в тот момент ее несло чистое наитие... Но каков директор! В секунду все просчитал!

— Ступайте, Мия, — он слегка улыбнулся, смягчая официальный тон. — У вас ведь занятия закончились уже?

— Еще факультатив по биологии...

— Ах да, конечно. Скажите Елизавете Максимовне, чтобы обеспечила вас рубашкой. И, наверное, компресс какой-нибудь пригодится? Ступайте.

Запас форменных рубашек, брюк, юбок — а также флаги, ленты и бог весть что еще, практически на любой случай, мало ли что в школьной жизни может произойти — хранился в кладовке, что располагалась за танцзалом и размером была примерно с него же. Мия поморщилась: идти через полшколы в пострадавшей блузке (да еще в торжественном сопровождении Елизаветы Максимовны!) — удовольствие ниже среднего. Но куда деваться! Явиться на факультатив в растерзанном виде и вовсе невозможно. Не ходить? Ну да, от директорских распоряжений не увиливают. Ладно, любопытствующие и сочувственные взгляды — не самое страшное. Голову выше, плечи расправить — и пусть они все хоть глаза на ней сотрут!

Проходить сквозь строй любопытствующих, однако, не пришлось: новая форменная блузка висела на стуле справа от кресла, в котором восседала Елизавета Максимовна.

— Там переоденься, — распорядилась она, кивнув в сторону неприметной дверцы в углу приемной, за которой располагался директорский туалет. — Сперва вот это приложи, — секретарша вручила ей полотняный сверточек. — А когда переоденешься, сразу вот это, — она подала Мие влажную, пропитанную чем-то темным салфетку.

В сверточке оказались ледяные кубики (ах да, в приемной же холодильник стоит), салфетка же, вероятно, была свинцовой примочкой или чем-то вроде того — чтоб синяк под глазом не образовался. Ай да Елизавета Максимовна! Ну и блузка, разумеется, точно в пору — но это как раз не фокус: у секретарши в компьютере все данные на всех учеников, от размеров и дней рождений до пищевых и лекарственных аллергий.

Переодеваясь, Мия мстительно думала: вот теперь Боренька попляшет! Судя по созыву «большой тройки», спускать «шалость» на тормозах директор точно не собирается. Или, может, наоборот? В смысле, наказывать Бореньку не будут, зато угроза наказания останется и послужит очень эффективным воспитательным рычагом. «Строгий» поводок, дамоклов меч и все такое — неплохой инструмент, чтобы и Борьку в рамках приличного поведения удерживать, и другим предупреждение сделать. В школе ничего ведь не скроешь, так что

Боренькины прихлебатели, готовые каждую его «шалость» за образец брать, поневоле притихнут. Правда, мамаша может сыночка в другую школу перевести, от злых языков подальше, но это бабка надвое сказала.

В другую школу Борьку все-таки не перевели. Но Мию он больше не трогал (да и вообще никого, кажется), только гадкие шуточки за спиной отпускал. Вот как сейчас. Развлекался. Ну ничего, выпускной год на исходе. А там можно будет забыть этого гада, как страшный сон.

Ладно, на самом деле школа хорошая. И таких, как Борька, немного. Но почему-то видно именно их. Мие вспомнилась чья-то саркастичная шуточка: «Что может быть отвратительнее, чем увидеть в откушенном яблоке червяка? — Увидеть в нем половину червяка!» От Борьки и ему подобных оставалось такое же ощущение. Мерзкое, гадливое. Словно проезжающий автобус тебя грязью из вонючей лужи окатил. Автобус уехал давным-давно, а ты стоишь, как у позорного столба, хотя вроде бы сам-то ни в чем и не виноват.

И сейчас пакостный Борькин шепоток Мию почти взбесил — при том, что никаких теплых чувств она к русичке не питала. Но одно дело — не любить училку, и совсем другое — говорить о ней гадости. Может, все-таки ликвидировать рисунок, пока не поздно?

Вера Сергеевна Белинская носила прозвище Неистовая Виса не только из-за фамилии и созвучия инициалов с именем Виссарион. Преподавала она, кто бы спорил, хорошо, отлично просто, ухитряясь втиснуть

в самые безразличные головы познания о литературе в гораздо больших объемах, нежели требовала программа. Про русский язык и говорить нечего: питомцы Висы «плач» с мягким знаком (как большинство Мииных ровесников, если по правде) не написали бы даже в бессознательном состоянии. И впихивала она знания не силой («вызубрить от сих до сих»), а тем, что умела подавать информацию как-то так, что она сама в голове укладывалась. Интересно было на уроках у Неистойой, это правда. Но ее и впрямь не просто так прозвали Неистойой. Ученическую массу она считала чем-то средним между стадом баранов и стаей диких обезьян (хитрых и зловредных). И никакие успехи в учебе ничего тут не меняли: могут же в стае некоторые обезьяны оказаться более... разумными? Все равно — стая. И чтоб поддерживать в ученической «стае» порядок, учитель должен быть безоговорочным вожаком. И одного лишь интереса тут совершенно недостаточно. Впрямую Белинская об этом не говорила, но никак иначе нельзя было истолковать некоторые ее методы. Она... цеплялась. Чаще к тем, кого заметила в невнимательности или, боже упаси, в равнодушии к литературе и русскому языку, но случалось, что и «передовикам» доставалось. Обижаться, тем более возмущаться, было бесполезно. Вера Сергеевна лишь улыбалась, говорила, что школа — не курорт, а вполне серьезный этап жизни, которая уж тем более — не курорт. Расслабленности не прощает, требует все время быть «в тонусе». Не зря же слово «стимул» так популярно

во всех языках, европейских по крайней мере. А ведь что такое стимул? Палка, которой подгоняли быков на пашне. И человек без такой «палки» человеком быть перестает, превращается во что-то аморфное, бесформенное, слякотное — вроде амебы.

«Палка» — это, конечно, фигуральное выражение. Держалась Виса исключительно вежливо, даже голос не повышала. Да и зачем бы ей? Хватало и взгляда. Встанет возле, плечики узенькие выпрямит, головку с залезанным пучочком поднимет, зыркнет из-под приопущенных век — чисто змея.

Мия, почитав кое-что по психологии лидерства, думала иногда, что все дело в том, что Неистовая Виса работает в школе недавно — года три всего-то. В сущности, она ведь ненамного старше своих учеников. Вот и выстраивает дистанцию, борется с собственной неуверенностью с помощью максимальной строгости. Лет через пять-десять, поднабрав опыта и осознав наконец, что преподаватель она — отличный, наверное, Неистовая Виса уже не будет такой уж... неистовой.

Кстати, все заметили, что неистовость Висы в последние месяцы изрядно усилилась. Какая муха ее укусила?

Борька и ему подобные ехидно шептали, что у тетки, дескать, острый недотраhit, вот и цепляется ко всем подряд. Ну да чего еще от таких обормотов ожидать?

Мия сама некоторое время полагала, что Неистовая Виса с ее надменной суровостью — типичная старая дева (хоть и молодая еще), высохшая в ожидании романтически прекрасного принца и обдающая высоко-

мерным холодом любого искателя взаимности, ибо ни один реальный человек до ее запросов недотягивает.

А потом нашла Вису в соцсетях. Там она именовалась Белой Никой, но фотографии сомнений не оставляли — она. Плюс «забавные случаи из учительской практики», которыми Белая Ника время от времени развлекала своих подписчиков. Немалому количеству этих случаев Мия сама была свидетельницей. Да и Белая Ника — вполне прозрачный намек на Белинскую Веру, особенно если в паспорте у нее стоит не «Вера», а «Вероника».

Исходя из информации на страничках Белой Ники, кроме профессии, у нее имелся молодой, красивый, весьма обеспеченный муж, квартира в недавно отстроенном элитном жилом комплексе и прочие приметы жанра «жизнь удалась». Красавца-мужа она именовала то «стойк, титан и финансист» (учитель литературы, ничего удивительного), то «мой личный банкир».

Сама Мия соцсетями пользовалась скупно. Не та у нее жизнь, чтоб всем и каждому ее показывать. Выворачивать перед кем попало свои шкафы — да идите вы лесом! Бог ведь кто сказал «лучше вызывать зависть, нежели сочувствие», но он был очень и очень понимающий человек. Собственно, многие именно этому правилу и следовали, демонстрируя в соцсетях не настоящую свою жизнь, а лишь ее красивую иллюзию. Технически тут нет ничего сложного, но тратить на подобный театр время и силы Мие казалось если не глупым, то как минимум бессмысленным.

Однако как источник информации соцсети были очень полезной штукой. Если помнить, что все, что там пишут и демонстрируют, может оказаться фальшивкой. Кто знает, правду ли Виса в соцсеть выкладывает или так, самооценку повышает. Но если знаешь, что именно проверять, проверка уже не составляет труда.

Оказалось, все правда.

Только «банкир» был не совсем банкиром. То есть не владельцем банка, а всего лишь начальником отдела (фото висело на сайте банка) — но ведь и не слесарем из ЖЭКа!

Мия несколько раз видела, как Белинская встречала супруга после рабочего дня: в чисто промытых просторных стеклах банковского подъезда отражалась неправдоподобно глянцевая пара — хоть сейчас в журнал о красивой жизни. Следить за ними было легче легкого, они ничего вокруг себя не замечали. «Банкир» глядел на супругу горящими глазами, прижимал к себе, похлопывал по обтянутой узкими джинсами аккуратной попке, зарывался лицом в волосы — а надменная Белинская млела, таяла, льнула к мужу. То заливаясь нежным румянцем и смущенно улыбаясь, то прикрывая томно глаза, отнюдь не привычно ледяные.

Вот где Виса себе такого мужа нашла? Сама ведь вовсе не во дворце родилась — безотцовщина, мать — бухгалтер. Филфак универа хоть и именовали всегда «факультетом невест», но вовсе не потому, что туда завидные женихи слетаются, а лишь потому, что маль-

чиков там — раз-два и обчелся. Мини-Иваново в университетском масштабе. Повезло Белинской... чтоб ее!

Пару раз Мия проследила за парочкой до того самого элитного жилищного комплекса.

В общем, все оказалось правдой. Мия надеялась, что хотя бы волосенки у Белинской тощие (должно же у нее быть хоть что-то не супер, а то нечестно!), но уродский зализанный пучочек, придававший Вере Сергеевне сходство со змеей, она носила как наследство из детских занятий балетом (фотографии из балетной студии прилагались).

Надо ли удивляться, что Мия Белинскую почти ненавидела?

Если бы Виса только цеплялась, то и ладно бы, учительское дело такое. Главное, что преподаватель она отличный. А излишек сурового высокомерия — да наплевать и забыть! И все же чувство, снедавшее Мию при взгляде на Неистовую Вису, разве что на волос не доходило до настоящей ненависти.

Потому что у той было все. А у нее, у Мии, — ничего.

Кроме старшего братца, век бы его не видеть, полупарализованного отчима и матери, когда-то, если верить фотографиям, красавицы, а теперь — измотанной заботами почти старухи. А ведь ей и пятидесяти нет еще!

Небось Белинская и в полтинник будет выглядеть как фотомодель с обложки журнала «Вог».

Сама Неистовая Виса к Мие вполне благоволила — еще бы, училась-то она прекрасно, почти блестяще.

Правда, в последнее время благосклонные взгляды русичка раздавала куда скупее, нежели раньше, зато на высокомерные, почти уничижительные усмешки и замечания становилась все более щедрa.

Почему, спрашивается, думала Мия, эта гримза такая змея? И чем дальше, тем ядовитеее! Ведь умна, красива, обеспечена по самое не хочу, муж любит... А стервозность из нее так и прет. Как будто сплошные критические дни у дамочки.

Нет уж, Мия, когда у нее появится, ну, скажем, условное «все» (хотя бы примерно столько же, сколько у Белинской), уж она-то будет нежна, как сливочное мороженое. Кошмар, это же прямо цитата из «Унесенных ветром», сообразила она вдруг. Когда Скарлетт ради продвижения «бизнеса» (ибо на безвольного мужа никакой надежды, а она ведь поклялась себе, что ни сама, ни ее близкие «никогда не будут голодать!») вынуждена вести себя, мягко говоря, не по-женски... Она в этот момент примерно так же рассуждала: когда у меня будет стабильность, я такой благородной леди стану — благороднее всех вас! Забавно, подумала Мия, пытаюсь вспомнить, кто сочинил афоризм «Жизнь имитирует искусство»...

— Лиу! Я к вам обращалась. — Белинская никогда не повышала голоса, но Мию короткая фраза оглушила, как раздавшийся над ухом выстрел.

Ну вот. Она ведь должна была к Ксюше с ее ног-тями прицепиться! Но вместо того — как свист стре-

лы — Лиу! Вообще-то Мия обожала необыкновенную свою фамилию (не то что скучное мамино Левченко!), но из уст Белинской «свист стрелы» прозвучал почти угрожающе. «Я к вам обращалась» означало, что обращение как минимум второе. А Мия, погрузившись в воспоминания и прочие размышления, не услышала! Обиднее всего, что в итоге размышления как раз на литературу и свернули. Вот только ни Маргарет Митчелл с ее Скарлетт, ни автор афоризма про жизнь и искусство... ах да, Оскар Уайльд!.. Ни легенда американской классики, ни скандальный английский мастер слова сегодня уж точно не упоминались.

Растерявшись, она попыталась сымпровизировать:

— Бел Кауфман — выдающийся представитель... то есть выдающаяся...

— О Бел Кауфман, — перебила ее Виса, — мы говорили, — она бросила короткий взгляд на украшавшие ее тонкое запястье квадратные, почти мужские часы, — восемь минут назад. И, Лиу, как вам в голову пришел этот омерзительно канцелярский «выдающийся представитель»? В разговоре о литературе такое просто неприлично.

— Простите, Вера Сергеевна! Я... извините, я задумалась.

— Вот как? Надеюсь, вы понимаете, что дополнительно повторять я не стану? — Она еще и улыбалась, гримаса! — Придется вам освежать память с помощью конспекта... Или вы предпочитаете дополнительные занятия?

Этого только не хватало! Дополнительные занятия были платными — а мать и так из сил выбивается, пытаясь концы с концами свести. И к чему это упоминание конспекта? Ох, не к добру...

Господи! Вот влипала-то!

Почему, почему Виса именно к ней прицепилась, почему не к Ксюше, не к Борьке (болтал на уроке), не к кому-нибудь еще? Зачем она вообще... цепляется?

Вон как глядит — у, стервятница! Почуяла, что можно назидательную порку устроить. Сейчас примется: а что вы помните по теме урока, а покажите-ка вашу рабочую тетрадь...

А там вместо свеженького конспекта — свеженькая карикатурка. Вроде как иллюстрация к этой чертовой «Вверх по лестнице», только вряд ли Белинской подобная самодеятельность понравится. И ведь карикатура-то злоущая... Черт, черт, черт! С нее станется и к директору Мию отправить — с тетрадочкой наперевес. А там...

Илларион, конечно, отличный дядька. И всегда готов вникнуть, с бухты-барахты оплеухи раздавать не торопится. Но хамства не потерпит. А рисуночек-то, как ни крути, хамский. Хотя, в сущности, мелочь.

Не отчислят же ее из-за такого пустяка! Или... могут? Господи, неужели придется вылететь из школы — из такой школы! — перед самыми экзаменами? Или смилуется, не отчислит? Господи, зачем, зачем она это нарисовала? И почему не замазала? Надо быстро... Но рука словно онемела. И вся Мия застыла — как птичка, которую

гипнотизирует подползающая гадюка: длинное гладкое тело стремительно приближается, а птичка не то что шевельнуться, моргнуть не в состоянии...

Глаза Белинской спокойны, в них нет ни гнева, ни раздражения. Ну да, с чего бы — Мия, «такая хорошая девочка, такая старательная», сейчас просто под руку попалась, в назидание прочим... тем страшнее будет реакция, когда Виса увидит рисунок. И все, вся последующая жизнь окажется в один момент перечеркнута! Если Мию сейчас исключат — а ведь могут, могут! — все рухнет! Что же делать? Что?!!

За широким, чисто промытым окном царил неправдоподобно теплый для Питера апрель. Липы уже окутались бледно-зеленой листовяной дымкой. По тротуару, чуть вихляясь, катил юный велосипедист — в ослепительно-оранжевой футболке и коротких, до колена, штанах. Велосипедный руль пускал солнечные зайчики, мальчишка от восторга чуть не подпрыгивал на седле.

У Мии никогда не было велосипеда. Жили небогато, какие там велосипеды — не до баловства. Впрочем, она почему-то никогда и не хотела. Она мечтала, что у нее будет машина! Надо только закончить школу, поступить в универ (из их школы все поступали, куда намеревались), начать подрабатывать репетиторством (из нее получится отличный репетитор!) — и все исполнится! Она снимет квартиру (даже если сперва с кем-то в компании, ничего), накопит денег — и купит машинку! Маленькую, юркую, непременно бронзового цвета...

И вот сейчас все эти сияющие — и притом реальные! реальные! — планы должны рухнуть в один момент!

Время стало тягучим — как смола. И она, Мия, — как мошка, увязшая в этой смоле. Ни пошевеливаться, ни вздохнуть, ни хотя бы крикнуть... ладно, пискнуть хотя бы: простите, Вера Сергеевна! Да только та уже нацелилась устроить публичную экзекуцию (и ведь не со зла, а так, чтобы не расслаблялись), теперь ее не остановить...

Глядя на неотвратно приближавшуюся Вису, Мия представила, как внутри головы, за выпуклыми костями черепа, серая морщинистая масса — мозг — собирается в кулак. И — бьет Вису под коленки! Споткнись, споткнись, споткнись, твердила Мия, чуть прикрыв глаза (словно бы от смущения) и сжимая ладони так, что ногти больно впивались в мягкое. Вот... вот сейчас... каблук зацепится...

Полы в классе были, разумеется, в идеальном состоянии — не за что там каблуком цепляться. Да и каблуки Белинская носила низкие, широкие, устойчивые. Учительские, в общем. В школе, по крайней мере. Мия однажды видела ее с «банкиром» в Мариинке. Самой Мие билет на широко разрекламированную премьеру достался в результате сложных манипуляций — на галерку, но она и тому была рада. Прогуливаясь в фойе среди блестящей светской толпы, она словно бы перенеслась на несколько лет вперед, туда, где она будет среди «бомонда» не случайной гостьей, а его частью.

Как Белинская с супругом, на которых Мия смотрела из-за колонны. На Неистойой Висе было узкое бархатное платье, серое, но словно бы немного и лиловое (бабочки, да у нее глаза того самого фиалкового цвета!), в ушах поблескивали бриллианты и еще какие-то лиловые камни (аметисты, что ли?), на ногах — высокие шпильки.

Эх, вот бы сейчас на Висе оказались такие же туфли... И если бы дернуть за шпильку изо всех сил...

Мия не слишком верила в нарисованные воображением картины: тетрадь с карикатурой, директорский кабинет, отчисление... Не станут ее, одну из лучших учениц, выгонять перед самыми экзаменами. Нечего придумывать, что вот Белинская сделает последние пару-тройку шагов, и мир рухнет. Скорее всего, Виса даже не дотронется до злополучной тетрадки, лишь доругает за «неуместную задумчивость». Не такая уж она и неистовая. Вполне себе приличная тетка.

Но что, если все-таки... И Мия продолжала сосредоточенно представлять, как узкий каблук застревает в незаметной трещине...

Чтобы она запнулась, запнулась, запнулась...

Да, никаких трещин в идеальном паркете, разумеется, не имелось, и туфли на Неистойой Висе были донельзя практичные. Но на предпоследнем шаге ее правая нога вдруг неловко подломилась, колено поехало вдоль угла Мииной парты — та аж дрогнула, да так сильно, что лежавшая возле тетрадки ручка задумчиво покачалась и покатила. Докатила до края и нырнула вниз.

— Черт! — Белинская не упала, только тяжело оперлась о край парты.

Вообще-то она произнесла вовсе не «черт», а «shit». Мия едва не рассмеялась. Никто, скорее всего, и не понял, звучание-то похожее, но она, сидевшая совсем близко, расслышала. Кто бы мог подумать, что их рафинированная Вера Сергеевна способна так изъясняться!

Хотя да, ударилась она сильно. Мия замороженно смотрела, как на серой ткани разодранной юбки набухают багровые капли. И тянутся вниз, по безобразно широкой «стрелке», ползущей по тугим, матово поблескивающим колготкам...

Звонок грянул внезапно. То есть это только так принято говорить — грянул, звонки в их школе не гремели — пели. Переливчато, мелодично. Но сейчас он именно грянул.

Горло Неистойой Висы дрогнуло, словно она проглотила застрявший комок. Проглотила, выпрямилась, дотацилась, прихрамывая, до своего стола, сдернула висящую на спинке учительского стула сумку, подхватила со стола классный журнал (экая профессиональная ответственность, ехидно подумала Мия — почему-то ей совсем не жалко было Белинскую) и, держась все так же прямо, но все-таки прихрамывая, вышла.

Только теперь стало ясно, какая мертвая тишина висела в классе в последние несколько мгновений. А сейчас, словно кто-то тронул регулятор громкости, зашептались, заговорили, загомонили, загадели.

Мия разжала кулак (она и не заметила, как рука сама собой стиснулась!) — на ладонке ярко горели красные отпечатки ногтей.

Ушла Белинская! Ни в дневник не записала, ни «завтра с родителями в школу» не потребовала! И самое главное — к директору не отправила и докладывать о «безобразном поведении Лиу» не станет! Не о чем докладывать! В тетрадь-то она заглянуть не успела! А то, что Мия, задумавшись, не слушала — какие пустяки, право! Господи, неужели обошлось?

Она торопливо, но старательно замазала рисунок, подумав, что после нужно будет переписать все на чистый лист, а этот уничтожить. Но это уже дома, где никто через плечо не подглядывает. Матери не до того, отчим не в состоянии, а Витек давным-давно живет на съемной квартире и дома появляется раз в год, и то по обещанию. Тетрадка отправилась в рюкзачок — подалее, во внутренний карман. Чтобы не напоминала о неприятном. Рюкзачок был уже не новый, но стильный, потертость даже добавляла ему шарма, смягчая яркую поначалу пестроту. По краю клапана висела вышитая сложным, похожим на арабскую вязь шрифтом надпись. Совершенно нечитаемая. Многие спрашивали, что за бренд (суперская вещица!), но Мия только улыбалась загадочно. Рюкзачок сшила из кожаных лоскутков мама, давно уже, года три назад. Мия сгребла в него все, что еще оставалось на парте, одним движением, затянула шнур на горловине, защелкнула замок верхнего клапана.

Янки, с которой она делила парту, сегодня не было. Простыла, наверное. А скорее всего, опять впала в уныние: сидит дома, в стенку пялится. С ней бывало такое. Окажись бы она сегодня на месте, подтолкнула бы Мию, когда Виса свой стервятнический взор на нее обратила. Ничего бы и не было — ни выговора, ни паники... Да Мия и рисовать-то вряд ли принялась бы.

Она поднялась из-за парты так резко, что едва не налетела на угол. Тьфу ты, черт, что ж сегодня все наперекосяк-то!

Да еще Петенька прямо в проходе застрял — ни пройти, ни проехать. С ним вечно так: то встанет всем поперек дороги, то ляпнет что-нибудь неуместное. Нелепый, долговязый, рукава форменного пиджака почему-то собираются складками, и кажется, что одежда ему не по росту. Придурок, как есть придурок. Нет, не то чтобы вовсе «убогий», учился-то он весьма прилично, но вот во всем остальном — как тот дурак на похоронах.

Над ним даже не смеялись. Не потому, что малейшие попытки издевательств, если заметят (а Леди Гага бдила старательно), преследовались сурово: от классического «к директору с родителями» до старозаветного «написать двести раз «я должен уважать своих соучеников»». Вроде и не страшно, но до того нудно, что потом десять раз подумаешь, прежде чем сделать что-то не то. Над Петенькой не измывались отнюдь не из страха наказания. Бессмысленно прикалываться над тем, кто не понимает, что раздающийся вокруг хо-

хот — над ним. Скучно насмешничать, если до жертвы не доходит, что она — жертва.

Вот и чего он, спрашивается, сейчас тут встал? Парта его в крайнем ряду, почти у двери. И смотрит на Мию как... Ей не сразу удалось подобрать сравнение: как на ангела с небес? На свидание, что ли, пригласить сподобился? Нашел тоже момент!

К знакам внимания за этот учебный год Мия привыкла: не только Борька заметил внезапно распутившийся в их классе «цветочек». Впрочем, хамских выходов никто больше себе не позволял, и держать поклонников на расстоянии было совсем не трудно. Сперва аттестат зрелости и поступление в универ, решила для себя Мия, а после можно и на противоположный пол начать время тратить. Школьные романы — это несерьезно. Бесперспективно.

Нет, если бы при взгляде на кого-нибудь из окружающих парней екало сердце — тогда другое дело. Однако — нет, не екало. Некоторые из них были вполне ничего себе, но — не более того. Хотя чувствовать себя центром восхищенных, а то и откровенно влюбленных взглядов оказалось приятно. И соблазн был велик — дать себе поблажку, ухватить немало простых жизненных радостей. Но Мия лучше любого учителя знала уровень своих способностей: отнюдь не тупица, но и не гений, ох не гений. На одной внешности в рай не въедешь, надо и соображалку иметь, и знания какие-никакие. Без этого никуда, кроме как в постельные куклы. Так что внешность

внешностью, а учиться надо. И еще как... Некоторым (вроде Янки) учеба давалась играючи, Мие же, чтобы быть на уровне, приходилось брать старательностью. Уровень она определила для себя сама — если нельзя стать лучшей, следует держаться хотя бы в статусе «одной из лучших», не забывая, конечно, зорко оглядываться вокруг, чтобы не пропустить возможный счастливый случай.

Но Петенька — это, конечно, не про то.

— Я все видел! — выдохнул он наконец.

Мия лишь удивленно вскинула бровь: что такое он мог видеть со своего крайнего ряда?

— Ты заставила Вису споткнуться! Я видел! Ты... колдунья, да? Я еще тогда подумал, когда Куприна проходили... ты на Олесю похожа. А сегодня убедился!

Вот ведь как интересно-то... Значит, это все-таки она остановила Белинскую?

Мия молча обогнула стоявшего столбом Петеньку и вышла из класса — быстро-быстро. Догонять ее он почему-то не стал. Тормоз, что с него взять.

На автобусной остановке пряталась от налетающего то и дело ветра симпатичная лохматая дворняга: одно ухо черное, спина рыже-коричневая, а все остальное белое. Ну... относительно белое: на брюхе шерсть слиплась в грязные мокрые сосульки, не оставляя сомнений в собачьем образе жизни. Мия угостила псину завалявшейся в кармашке рюкзака печенюшкой. После минуты настороженных взглядов и принюхиваний подношение было принято.

— Тебе тоже приходится самой за себя? — улыбулась Мия и поежилась. Апрель, конечно, выдался теплый, но ее все еще знобило, должно быть, от пережитого стресса.

Все же обошлось, успокаивала она себя, стараясь выкинуть из головы мысли о Белинской. Но те упрямо возвращались. Неужели Петенька прав, и это Мия своим пристальным взглядом заставила учительницу споткнуться? Впрочем, Петенька вечно что-нибудь эдакое... ляпнет.

На Олесю она, видите ли, похожа! По купринскому описанию, внучка бабки Мануйлихи — черноглазая брюнетка лет двадцати — двадцати пяти. А Мия, мало того что куда младше, даже не брюнетка, максимум — темная шатенка. А против солнца в слегка вьющихся пушистых прядях просверкивают золотые искры — никакая брюнетка этим похвастаться не может. Глаза же у Мии и вовсе янтарные — временами, под хорошее настроение, их темная тягучая медовость начинает отчетливо отдавать светлой, как молодая листва, зеленью — и прозрачные. С купринской Олесей только и общего, что легкая смуглость кожи (на фоне которой прозрачные глаза сияют особенно ярко). И это называется — похожа?

Да и вообще сравнение с убогой дурочкой из лесной избушки Мии не польстило. Ясно, что Петенька хотел комплимент сказать, но пусть бы для начала мозг включил. Хотя какой там мозг... Нет, мальчик Петя, хоть и пожирает Мию глазами, не вариант. Ни при

каких условиях. Ну да, судя по изящно-громоздкому золотистому «Инфинити», на котором мамочка привозила сынульку в школу, семья более чем обеспеченная, но достатком в этой школе не удивишь (форму-то Илларион Петрович вводил именно для того, чтобы разница между «богатыми» и «бедными» учениками не создавала лишних неловкостей). Обращалась же мамочка с Петенькой, как с детсадовцем: высадив его у ворот, шарфик поправляла, пиджак или пальто одергивала-оглаживала, чуть ли не нос «малышу» вытирала. И не уезжала, пока сыночек не скроется за школьной дверью. Должно быть, именно потому Петенька такой... странный. Недоделанный словно.

Вот Янкин братишка-близнец — совсем другое дело. Вполне вмняемый. Не красавец, но вполне ничего. Только тоже несколько заторможенный. Но идиотом при этом, как Петенька, не выглядит — просто вялый какой-то. На Мию Тоха поглядывает вполне красноречиво (за последний год она научилась замечать такие взгляды почти автоматически), да что толку? Ни пригласить куда не пытается (она отказалась бы, разумеется... ну... сперва, во всяком случае), ни еще какие-нибудь знаки внимания проявить. Бука. И не потому что Мии стесняется (с мальчишками бывает), он по жизни такой. Серьезный слишком.

Пьер Безухов из «Войны и мира» хоть шампанское прямо из горла на подоконнике хлестал и вообще бузил. Или это не Безухов бузил и шампанское хлестал? Черт, чем ближе экзамены, тем в более бессмысленную